

А.В. Сидоров*

**МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
С.М. СОЛОВЬЕВА**

A.V. Sidorov

S.M. SOLOVIEV'S MODEL OF HISTORICAL STUDY

Аннотация. Современный уровень историографии предполагает возможность использования нового исследовательского инструментария, в том числе моделирования исследовательской практики выдающихся ученых прошлого. На примере научного творчества С.М. Соловьева предпринята попытка реконструкции его представлений о модели исторического исследования середины XIX в. Данная модель включает в себя раскрытие особенностей формирования познавательного интереса историка, взгляд С.М. Соловьева на историю как науку народного самопознания. Модель исторического исследования предполагает уяснение специфики видения историком предметной области изучения и связанных с ней когнитивных стратегий. Базирование исследовательской деятельности С.М. Соловьева на принципах научности и историзма вело к превалированию значения источника в историческом творчестве. На основе исследования трудов своих предшественников историк формирует свое понимание этих принципов. Большую роль С.М. Соловьев отводил способам познавательной деятельности, раскрывая методы научного исследования. Историко-сравнительный, историко-типологический, историко-диахронный, историко-генетический методы, метод факторного анализа являются важными составными частями исследовательской лаборатории С.М. Соловьева, хотя зачастую прямо не называются. Важную роль в историографическом изучении творчества своих предшественников С.М. Соловьев отводил раскрытию их биографий. Подчеркивая влияние на научное творчество особенностей личности, талантов историков, С.М. Соловьев в то же время особо отмечал влияние эпохи на формирование научных взглядов и сложившихся исследовательских практик. При этом он подчеркивал значение не столько периода наиболее активной творческой деятельности историка, сколько времени формирования его личности. Сложившаяся модель исторического исследования

* *Сидоров Александр Валентинович*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова

Sidorov Aleksandr Valentinovich, Doctor in History, Professor, Head, Department of the History of State and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University

+7(495)939-39-36; Sidorov@spa.msu.ru

позволила С.М. Соловьеву сформулировать концепцию развития исторической науки XVIII — первой четверти XIX в. на основе происходивших в обществе трансформационных процессов, с началом которых он связывает зарождение исторической науки в России. Эта концепция явилась базой для обобщающих оценок творчества историков предшествовавшего столетия, что позволяло уйти от простого дискретного изложения достижений и недостатков трудов отдельных исследователей к раскрытию непрерывного процесса приращения научного знания.

Ключевые слова: моделирование исторических исследований, С.М. Соловьев, методология истории, методы исторического познания, когнитивные стратегии, концепция развития исторической науки, принципы исторического познания.

Abstract. The present stage in the development of historiography gives an opportunity to employ new research tools, including the reconstruction of the research practice of outstanding scholars of the past. The author attempts at reconstructing S.M. Soloviev's concept of historical research in the mid-nineteenth century and examines the features of the formation of his cognitive interest and approach to history as science of national self-knowledge. This model of historical research aims at gaining an understanding of the specificity of the historian's vision of the subject area of study and relevant cognitive strategies. The fact that S.M. Soloviev grounded his research on the principles of scientificity and historicism led to the prevalence of the significance of the sources in his study. While addressing to the works of his predecessors, the historian develops his own understanding of these principles. S.M. Soloviev specifically dwelled on the methods of cognitive activity and scientific research. Historical-comparative, historical-typological, historical-diachronic, historical-genetic methods and factor analysis are important (though not often directly indicated) components of S.M. Soloviev's research laboratory. S.M. Soloviev ascribed an important role to the biographies of his predecessors in the study of their historiographical contribution. Emphasizing the impact of personality and talents of historians on their academic work, S.M. Soloviev also highlighted the influence of the epoch on the formation of their views and research methodology. He emphasized the importance of the period of a historian's personal formation rather than of his utmost creative activity. The existing model of historical research allowed S.M. Soloviev to characterize the development of historical science in the eighteenth and first quarter of the nineteenth centuries on the basis of the social transformations, which he linked to the very emergence of this discipline in Russia. This analysis served as the basis for generalizing assessment of the contributions of the historians of the previous century, which allowed him to avoid a merely elementary presentation of the advantages and disadvantages of their works and to focus on the process of increasing scientific knowledge.

Keywords: modeling of historical research, S.M. Soloviev, methodology of history, methods of historical knowledge, cognitive strategies, the concept of the development of historical science, principles of historical knowledge.

По установившейся традиции юбилеи деятелей науки и искусства вызывают всплеск интереса к оставленному ими наследию, дают повод для размышлений об их вкладе в современную науку и культуру, нередко позволяют по-новому взглянуть на давно прошедшие времена. В 2020 г. Россия отметила 200-летие со дня рождения выдающегося историка С.М. Соловьева. На научных конференциях, посвященных этой дате, в публикациях, раскрывающих различные стороны его жизни и деятельности, были предприняты попытки вычлениить новые грани в разнообразном творчестве ученого¹.

Прежде всего, С.М. Соловьеву отдается дань как автору классического многотомного труда «История России с древнейших времен». Многолетняя работа над ним справедливо полагается научным подвигом великого историка, который не только создал оригинальную концепцию истории России, но и подробно обосновал ее на огромном количестве архивных документов. Этот титанический труд потребовал от С.М. Соловьева всестороннего изучения не только многочисленных источников, но и широчайшего круга предшествовавшей и современной ему отечественной и зарубежной литературы. Историографический анализ явился необходимой частью подготовки к написанию С.М. Соловьевым «Истории России». Его результаты вылились в серию рецензий и статей историографического характера, увидевших свет в 1850-х гг. Среди них — «М.П. Погодин “Исследования, замечания и лекции о русской истории”». Том IV. Период удельный. Москва. 1850» (1851), «Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: “История государства Российского”» (1853–1856), «Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер)» (1854), «Писатели русской истории XVIII века» (1855), «Каченовский Михаил Трофимович» (1855), «Август Людвиг Шлёцер» (1856), «Шлёцер и анти-историческое направление» (1857), рецензия на книгу Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (1858) и рецензия под

¹ *Лачаева М.Ю.* «Великий человек» и «великий народ» в концепции Сергея Михайловича Соловьева // VIII Бартеневские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра II, Н.А. Милютина, С.М. Соловьева, И.Н. Тургенева, М.Н. Каткова. Липецк, 2018. С. 167–171; *Кучурин В.В.* Жизнь и научное творчество С.М. Соловьева в отечественной историографии // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Сборник статей и материалов / Под ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2019. С. 5–29; *Малето Е.И.* Творческое наследие С.М. Соловьева — живая история: К 200-летию со дня рождения историка // *Worlds science: problems and innovations.* Сборник статей XLV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 75–78; *Заварзина Л.Э.* Педагогическая ипостась выдающегося историка: К 200-летию С.М. Соловьева // Педагогика. 2020. Т. 84. № 8. С. 111–120.

названием «Уния, козачество, раскол» на исследования М. Кояловича, Н.И. Костомарова и А.П. Щапова (1859)². В числе позднейших историографических работ С.М. Соловьева особое место занимают речь 1 декабря 1866 г. в актовом зале Московского университета в день 100-летнего юбилея Н.М. Карамзина «Исторические поминки по историку» и рецензия «Византия в X веке» (1873) на труд выдающегося французского историка Альфреда Рамбо³.

Таким образом, историографические проблемы находились на пике внимания ученого на протяжении 1850-х гг. Временная близость данных работ С.М. Соловьева, присущее им единство идей и общность в понимании историком основных этапов развития науки позволяют говорить о них как о цельном комплексе историографических работ. Это, в свою очередь, свидетельствует о единстве разработанной С.М. Соловьевым модели исторического исследования в области изучения истории исторической науки в России. С позиций историка середины XIX в. С.М. Соловьев изучает труды своих предшественников, обращая внимание на узловые моменты их деятельности и научного творчества, создавая схему процесса изучения отечественной истории.

Высказанные С.М. Соловьевым мысли при анализе работ историков XVIII — первой половины XIX в. позволяют получить достаточно полное представление о структуре научного исторического знания того времени, а также вычленив модель исторического исследования самого С.М. Соловьева.

В современной исторической науке под моделью исторического исследования понимается некий конструкт когнитивной практики того или иного периода или того или иного выдающегося ученого. Ее основу составляет так называемая классическая модель исторического исследования, обобщающая исследовательские практики, сложившиеся в научной культуре Нового времени. В структуру модели включены особенности познавательного интереса, видение предмета исторического исследования, когнитивные стратегии и способы познавательной деятельности, а также понимание учеными своей роли в процессе исследования⁴.

Наиболее отчетливо подобная модель проявляется в ходе историографических исследований. Анализируя научные труды своих

² Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М., 1995. С. 43–259, 277–452; Кн. XXIII. Заключительная. Статьи, выступления, рецензии. Современники о С.М. Соловьеве. М., 2000. С. 39–83, 181–209, 242–278.

³ Там же. Кн. XXIII. С. 162–170, 279–286. Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием номера книги и страниц.

⁴ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. редактор А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 295–298.

предшественников, историк оценивает их сильные и слабые стороны, объясняет сам факт их появления, определяет их значение для развития научной мысли и пр., а следовательно, высказывается по тем вопросам, которые и составляют элементы модели исторического исследования, которой сознательно или бессознательно придерживается ученый.

В большинстве своем в современной научной литературе мы имеем дело с обобщающими моделями, которые базируются на философском осмыслении исследовательских практик и охватывает большие временные периоды. Классическая, неклассическая, постмодернистская и неоклассическая модели уже нашли свое место в научном дискурсе⁵. Но нередко эти обобщающие модели наталкиваются на сопротивление конкретно-историографического материала, связанного с изучением творчества конкретного историка⁶.

В данной статье предпринята попытка раскрыть на основе историографических трудов С.М. Соловьева базовые элементы модели исторического исследования, сложившейся в ходе его научной деятельности. При этом, конечно, следует учитывать, что их невозможно обнаружить сформулированными в какой-либо работе историка. Приходится действовать в ситуации, как писал сам С.М. Соловьев, «когда историк вследствие извне возбужденных вопросов должен с невероятным усилием допрашивать молчаливые летописи» (Кн. XVI. С. 150). В данном случае этими «летописями» выступают историографические труды С.М. Соловьева, а «невероятные усилия» их допроса неминуемо ведут к утяжелению текста многочисленными цитатами, и здесь автор надеется на понимание читателя.

Исходным вопросом исследования творчества предшественников, занимающим С.М. Соловьева как историографа, выступает проблема познавательного интереса в сфере отечественной истории. Этот интерес для С.М. Соловьева определяется связью историка с его современностью. Размышляя об «Истории» Н.М. Карамзина,

⁵ Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005; The Postmodern History Reader / Ed. by K. Jenkins. London; NewYork, 1998; Мазур Л.Н. Исторические модели: виды, возможности и ограничения // Российская история. 2011. № 2. С. 145–149; Жигунин В.Д., Мягков Г.П., Шарифжанов И.И. О новой модели анализа истории историографии как дисциплинарной истории // Мир историка. Историографический сборник. Омск, 2017. С. 70–76; Сухова О.А. Аграрная политика ВКП (б) в 1930-х — начале 1950-х годов: выбор историографической модели // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3 (47). С. 52–61.

⁶ Мамонтова М.А. Модель исторического исследования в представлении С.Ф. Платонова // Вестник Омского университета. 2001. № 1. С. 45–48; Она же. С.Ф. Платонов, поиск модели исторического исследования. Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.

С.М. Соловьев ставит вопрос о том, насколько этот труд отвечал потребностям российского общества первой четверти XIX в. (Кн. XVI. С. 47). Объяснение замеченного в книге А. Манкиева «Ядро Российской истории» особенно подробного рассказа о взятии Новгорода войсками Делагарди С.М. Соловьев видит «в тогдашнем положении целого русского народа, боровшегося со шведами, и в положении самого автора в особенности: настоящая вражда заставила живее припомнить неприязнь древнюю» (Кн. XVI. С. 197). С точки зрения С.М. Соловьева современность определяла и повышение в обществе интереса к истории. Это особенно стало заметно во времена Екатерины II, когда «при усилении литературной деятельности отечественная история не могла остаться в забвении: самый блеск настоящего уже придавал значение прошедшему, великий народ должен быть велик всегда, от самой колыбели своей» (Кн. XVI. С. 230).

Особой гранью этого вопроса для С.М. Соловьева являлся вопрос о пользе истории. Этот классический вопрос в XVIII в. претерпел определенную эволюцию, которую и отмечает историк. Польза науки вообще, начиная с петровских преобразований, рассматривалась исключительно в материальном смысле, как средство увеличения материальных сил, роста благосостояния и удобств жизни, когда, писал С.М. Соловьев, «старались умножать число ученых, точно так же, как старались об умножении числа полезных ремесленников; о нравственном же влиянии науки на человека, о воспитании молодого поколения не заботились или заботились очень мало, полагая главное в ученье, а не в воспитании» (Кн. XVI. С. 242).

Это ситуация делала положение ряда гуманитарных наук весьма сомнительным: нередко были разговоры о них как о почти бесполезных. Историки всячески старались защитить свою науку от подобных представлений, подчеркивая важность истории как науки опыта, значение которой велико для богословов, юристов, медиков, администраторов, дипломатов. Именно таким образом обосновывал полезность истории В.Н. Татищев. Отмечая это, С.М. Соловьев увидел новое в оценке пользы истории во второй половине XVIII столетия, основываясь на примере трудов И.Н. Болтина, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова. «Мы не встречаем толков о пользе истории как науки опыта и примера», — начал свой анализ С.М. Соловьев с работ И.Н. Болтина и подчеркнул, что «у него первого видим попытку смотреть на историю как на науку народного самопознания, старание сделать из истории прямое приложение к жизни, отыскать живую связь между прошедшим и настоящим, задать вопрос об отношениях старого к новому». В отношении М.В. Ломоносова и М.М. Щербатова С.М. Соловьев писал, что «Ломоносов хочет только прославлять

геройские подвиги деятелей нашей истории; Щербатов вглядывается в отдельные явления, старается уяснить некоторые, особенно поразительные для него явления русской истории, не связывая, однако, их друг с другом». Этим историкам он противопоставил И.Н. Болтина, который «старается уяснить целый ход русской истории, как русской истории, не похожей ни на какие другие, и показать живую связь между прошедшим и настоящим» (Кн. XVI. С. 243–244).

Итог развития представлений о пользе истории в XVIII в., по мнению С.М. Соловьева, может быть подведен сравнением взглядов на этот вопрос В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина. «Итак, мы видим, — писал Сергей Михайлович, — что взгляд историка XIX века на свой предмет в главных чертах сходен со взглядом историка XVIII века: оба смотрят на историю, как на науку опыта; оба следуют одному порядку при изложении ее пользы. Но при сходстве воззрения есть и разница: историк XIX века уже предчувствует в истории науку народного самопознания; говорит, что она есть дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» (Кн. XVI. С. 49).

Таким образом, С.М. Соловьев исторически, как результат векового развития исторической мысли, обосновывает взгляд на науку как выражение народного самопознания, столь близкий сердцу ученого. В 1866 г. он еще яснее выскажется по этому поводу, говоря об «Истории» Н.М. Карамзина: «Как же выразилось в этом произведении русское народное самопознание? Какая основная мысль труда? Мысль русского человека, мысль славянина, должна была остановиться прежде всего на том явлении, что из всех славянских народов народ русский один образовал государство, не только не утратившее своей самостоятельности, как другие, но громадное, могущественное, с решительным влиянием на исторические судьбы мира. Что такое племя, что такое народ без государства? Материал, нестройный, бесформенный материал (*rudis indigestaque moles*); только в государстве народ заявляет свое историческое существование, свою способность к исторической жизни; только в государстве становится он политическим лицом с своим определенным характером, с своим кругом деятельности, с своими правами. Первое драгоценнейшее благо государства есть независимость, самостоятельность, потом возможность заявить свое существование в более или менее широкой деятельности, участвовать в общей жизни значительнейших государств, лучших представителей человечества» (Кн. XXIII. С. 166).

При этом вопрос о сознании и самосознании подкрепляется у С.М. Соловьева и другим историческим примером. Подходя к данной проблеме как ученый-исследователь, он замечает: «Любопытно, что в древнем языческом мире высшей образованности, до какой

только могло достигнуть языческое общество, достигла Греция, и почему? Потому что формы ее политической жизни представляют что-то похожее на формы политической жизни новой христианской Европы. Греция была разделена на множество отдельных государств, которые, при особенностях своего внутреннего управления, были соединены, однако, одним общим началом, сознанием своего еллиназма, учреждениями, которые поддерживали это сознание» (Кн. XVI. С. 339).

Связь науки с современностью для С.М. Соловьева имеет и еще один важный аспект. В его трудах речь идет не только о тех задачах, которые ставит политическое и социальное развитие общества, но и о задачах, которые возникают в процессе развития науки. А потому историк должен видеть и этот аспект своего творчества. «Каждому дню его забота, каждому веку его труд; — отмечал С.М. Соловьев, — нашему времени завещано собрать воедино все части русской истории, найти смысл и в древнейшей Киевской, и Владимирской истории и *примирить* все эпохи» (Кн. XXIII. С. 168).

Познавательный интерес, нацеленный на развитие самосознания народа, определял для историка и видение предмета изучения. «Понятно, что русский бытописатель, которого обязанность состоит в том, чтобы следить за сохранением и развитием основных русских начал, будет всегда иметь на первом плане те части России, в которых эти начала сохранялись и развивались непрерывно, а на втором — те, в которых означенное развитие было на время насильственно остановлено, потому что тогда только сохранится единство, внутренняя, живая связь русской истории» (Кн. XVI. С. 57).

Обозначая таким образом поле исследования русского историка, С.М. Соловьев обозначает и те принципы, опираясь на которые, создает свои труды исследователь отечественной истории. Среди них центральное место занимает историзм. «Первая обязанность историка, приступающего к изображению какой-нибудь эпохи в жизни исторического народа, — отмечает С.М. Соловьев, — состоит в показании отношения избранной эпохи ко времени предшествовавшего, в показании, как эта эпоха вытекала из предшествовавшей» (Кн. XXIII. С. 242).

Но принцип историзма имел для С.М. Соловьева и еще одну грань, связанную с преодолением тенденций к осовремениванию исторических реалий. Одной из проблем, казавшейся совершенно неясной историкам нового времени, была проблема престолонаследия в Древней Руси. Общий ход ее решения в отечественной историографии С.М. Соловьев описал следующим образом: «Таков обычный ход нашей науки — начинать со внешнего, ближайше-

го к понятиям историка и потом, вглядываясь все внимательнее и внимательнее в глубь веков, объяснять неудобопонятные для нас явления древности согласнее не с нашими, но с тогдашними понятиями и обычаями» (Кн. XVI. С. 80). Нарушение историком этого подхода, иногда в угоду своей концептуальной установке, вызывало неприятие С.М. Соловьева, даже если оно получало выражение просто в отношении историка к прежним явлениям. С.М. Соловьев в своей статье о Н.М. Карамзине не удержался, чтобы не высказать в адрес автора «Истории Российской» замечания: «Всюду заметны следы этого воззрения, по которому один только Владимирско-Московский князь был великим, а все другие, и Рязанский, и Нижегородский, и Тверской, — его удельными, ему подчиненными» (Кн. XVI. С. 101).

Принцип историзма был основой взглядов С.М. Соловьева и на развитие отечественной исторической науки. Это получило особенно яркое выражение в оценках «Истории» Н.М. Карамзина. Даже в самой постановке исследовательских задач С.М. Соловьев проводит ясное понимание этого принципа: «Каково же было отношение этого знаменитого труда к трудам предшествовавшим? Как удовлетворил он требованиям современников и каково было его влияние на труды последующие?» (Кн. XVI. С. 47).

Давая оценки вкладу своих предшественников в создание научной истории России, С.М. Соловьев отмечал тот научный базис, на основе которого они могли работать. По его мнению, заслуга В.Н. Татищева состояла в том, что «он первый начал дело так, как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями географическими, этнографическими и хронологическими, указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследований, собрал известия древних и новых писателей о древнейшем состоянии страны, получившей после название России, — одним словом, указал путь и дал средства своим соотечественникам заниматься русскою историею», добавляя, что «мы обязаны Татищеву сохранением известий из таких списков летописи, которые, быть может, навсегда для нас потеряны» (Кн. XVI. С. 217). А потому оценка деятельности неразрывно связана с состоянием науки того периода, в котором пришлось работать историку. Подчеркивая значение этого обстоятельства, С.М. Соловьев отмечает: «Кто посвятил себя научным исследованиям, тот знает, как важны первые указания на предмет, на его различные стороны, как бы мнения первого указателя ни были неправильны, тот оценит великие услуги Татищева, как первого указателя» (Там же).

Именно понимание состояния исторической науки позволяет С.М. Соловьеву объяснить результат работы М.В. Ломоносова по изучению отечественной истории. Потребность в создании истории России ощущалась уже в начале XVIII в. Петр I надеялся получить национальную историю, поручив ее написание справщику московской типографии Ф.П. Поликарпову. Но результат не обрадовал царя-реформатора. «Шувалов заказал русскую историю первому таланту времени — Ломоносову, — отмечал С.М. Соловьев, — но хотя Ломоносов и не был Поликарповым, однако и тут оказалось, что история не торжественная ода, на заказ не пишется» (Кн. XXIII. С. 165).

Уровень развития исторического знания определял возможности историков и в дальнейшем. Давая оценку творчеству М.М. Щербатова, С.М. Соловьев констатировал: «От недостатка уяснения для себя хода истории происходит у Щербатова и у последующих за ним историков внешний взгляд на события, который породил столько трудных к искоренению заблуждений. Разумеется, мы не станем обвинять в этом Щербатова: таков был естественный и необходимый ход исторической науки; и последующие историки разделяют взгляд и повторяют ошибки Щербатова» (Кн. XVI. С. 235).

Историзм в понимании С.М. Соловьева связывает всю русскую историю в единый процесс. Разбирая представления мыслителей первой половины XVIII в., он отмечал тот разрыв в едином историческом процессе, который ознаменовали, по их мнению, преобразования Петра Великого. Жизнь России, а, следовательно, и ее история, казалась им естественно разделенною этими преобразованиями. Но в таком разделении С.М. Соловьев видел недостаток исследователей, отход от исторической школы. «Переходя к новой России, к объяснению отношения ее к Руси древней, последователи исторического направления тесно связывают обе половины русской истории — допетровскую и послепетровскую; в явлениях последней видят результаты явлений первой», — писал он (Кн. XVI. С. 330). Но это не мешало ему связывать с петровскими преобразованиями рождение отечественной исторической науки. «Древняя, допетровская Россия оставила много летописей, погодных записок о важнейших событиях, оставила громадное количество правительственных и судебных актов — богатый материал для истории, но не оставила истории; — писал он, — были попытки извлечь из летописного материала что-нибудь для удовлетворения любознательности русского человека, слышался какой-то бессвязный, детский лепет и только» (Кн. XXIII. С. 165).

Роль родоначальника исторической науки в России С.М. Соловьев отводит А.Л. Шлёцеру. По его мнению, А.Л. Шлёцер не только

занимался самым ранним периодом русской истории, но и подошел к ее изучению как к науке: «Он только начал, но начал как следует, именно *начал сначала*, и потому его труд лег в основу исторического направления в нашей науке» (Кн. XVI. С. 320). Что же, в глазах С.М. Соловьева, выделяло труд А.Л. Шлёцера, что позволило считать его началом исторической науки? Ответ на этот вопрос он дает, оценивая шлецеровского «Нестора»: «Гласно и решительно высказалось мнение, что рассказ об известном времени в жизни известного общества должен соответствовать этому времени во всех чертах своих, это соответствие выставлено как непогрешительная поверка подлинности памятника, оно выставлено главной нравственной обязанностью повествования, и труд, отличающийся таким соответствием, назван *честным*» (Кн. XVI. С. 317). И далее добавляет: «От сознания этой честности, как главной обязанности историка, проистекало у Шлёцера это уважение к известиям источников, отвращение от произвольных прибавок и украшений» (Кн. XVI. С. 318).

Тем самым работа с источником, его использование в научном исследовании превращается для С.М. Соловьева не только в важнейший элемент понимания научности, но и приобретает высоту профессиональной моральной ценности. А потому уровень работы с источником выступает для него важнейшим критерием оценки научности исследования. Отступления от нормы кажутся ему недопустимыми, чем бы они ни объяснялись. Говоря об описании Н.М. Карамзиным в его «Истории» эпизода штурма Казани войсками Ивана Грозного, С.М. Соловьев отмечает: «Это описание, так ласкающее наш русский слух, есть произведение могучего таланта. Но наука имеет свои требования, и мы должны сравнить приведенное описание с источником, именно со сказанием, находящимся в Царственной книге» (Кн. XVI. С. 169). Давая историографическую оценку, С.М. Соловьев детально разбирает состав источниковой базы того или иного исследования или его частей (См., напр.: Кн. XVI. С. 144).

Становится понятным, насколько принципиальным был для С.М. Соловьева доскональный разбор всех отклонений от текстов источника при изложении истории. Не боясь обвинений в том, что его статья о творчестве Н.М. Карамзина превратится в подробные комментарии к тексту «Истории», он последовательно указывает: «За рассказом о походах казанских следует рассказ о первой войне Новгородской. Рассказ этот вообще правилен, согласен с источниками, и мы должны остановиться только на некоторых немногих местах, требующих объяснения». К ним, в частности, были отнесены: «мало выставлено значение православия, которое было главным пре-

пятствием к соединению Новгорода с Литвою, о чем заметил князь Щербатов»; «деятельность Марфы Борецкой автор выставляет как явление, противное древним обыкновениям и нравам славянским, которые, по мнению автора, удалили женский пол от всякого участия в делах гражданства» (Кн. XVI. С. 127). По поводу рассказа в «Истории» Н.М. Карамзина о малолетстве Ивана Грозного С.М. Соловьев подчеркивает: «Все эти: *опасались, полагали* — были бы чрезвычайно важны, если бы хотя из одного слова источников можно было видеть, чего опасались, что полагали в Москве в 1533 и 1534 годах» (Кн. XVI. С. 147).

Проверка правильности выводов и оценок историков, по мнению С.М. Соловьева, опирается на источники, в том числе еще не введенные в силу ряда условий в научный оборот, которыми автор того или иного исследования воспользоваться заведомо не мог. Давая оценку «Истории» Н.М. Карамзина, С.М. Соловьев замечает, что «мы должны здесь ограничиться только некоторыми указаниями на отношение рассказа историографа к известиям источников, еще не изданных» (Кн. XVI. С. 143). Хотя это, конечно, ни в коем случае не означает, что С.М. Соловьев предъявлял столь явно завышенные требования к трудам предшественников. Он, в частности, писал: «Критики, рассматривающие “Историю государства Российского” преимущественно с точки зрения художественной, справедливо предпочитают XII том всем предшествовавшим: события, здесь рассказанные, такого рода, что давали обильную пищу таланту автора. С точки зрения научной XII том теперь нам кажется слабее предшествовавших, потому что у нас много новых материалов, объясняющих удовлетворительнее эпоху; но статья наша не может иметь целию указание отношений “Истории государства Российского” к настоящим средствам нашей науки, ибо мы имеем дело не с современным сочинением» (Кн. XVI. С. 183–184).

Разбирая источниковую базу исторических трудов, С.М. Соловьев подчеркивает требование использовать весь комплекс сведений источника: «Мы не можем признать за историком права выбора явлений из источников: он имеет только право располагать и уяснять явления; ни одна йота летописи не должна пропасть для истории» (Кн. XVI. С. 59).

Работа с источником, столь важная для С.М. Соловьева, служила основанием для определения места в истории науки того или иного исследователя, особенно в эпоху зарождения научной мысли в России. Это особенно заметно в его оценке научного творчества А.Л. Шлёцера. «Заслуга Шлёцера состоит не в установлении верных взглядов на явления всемирной истории: его заслуга состоит в том,

что он ввел строгую критику, научное исследование частных, указал на необходимость полного, подробного изучения вспомогательных наук для истории. Благодаря Шлёцеровой методе наука стала на твердых основаниях, ибо он предположил изучению исторической физиологии занятие исторической анатомией; по счастью, судьба привела самого мастера в Россию, чтобы поставить и русскую историю на это прочное основание» (Кн. XVI. С. 298–299).

Анализ когнитивных стратегий своих предшественников неизбежно приводил С.М. Соловьева к рассмотрению используемых в науке методов познания. Среди них особое место занимают проблемы периодизации, базирующиеся на так называемом историко-диахронном методе. Для историка, предметом исследования которого выступает национальная история в целом, это проблема была особенно актуальна. А потому рассмотрение созданных на тот момент периодизаций позволяло сделать новые выводы, касающиеся не только конкретных границ определяемых периодов, но и выявить принцип, лежащий в основе их выделения. Для С.М. Соловьева было ясно, что «основанием исторического деления мы должны принимать господствующее явление, источник событий». А потому, разбирая подход к этому вопросу Н.М. Карамзина, он считал, что «принимать основанием исторического деления удельную систему справедливо, и Карамзин имел полное право это сделать; причем вопрос — “не следует ли обращать внимание на другие обстоятельства?” — вопрос лишний: следует обращать внимание на все обстоятельства, но следует преимущественно останавливать внимание на господствующем явлении, источнике событий» (Кн. XVI. С. 56). Возражая противникам концептуального подхода Н.М. Карамзина, он подчеркивал важность выделения такого явления для исторического исследования: «На первом плане должно находиться только одно главное, господствующее явление, иначе нарушится единство; и если признано, что в известный период времени удельная система была господствующим явлением, источником событий, то эта удельная система и должна оставаться на первом плане, а не что-либо другое; все другие явления, как бы они важны ни были, должны рассматриваться по степени их влияния сперва на господствующее явление, а потом и на все другие; тогда только сохранятся научное единство, порядок и ясность» (Кн. XVI. С. 58–59).

А отсюда вытекал один из критериев оценки вклада историка в развитие науки — правильное выделение того исторического явления, которое и должно было выступить в качестве господствующего. Сравнивая идеи Н.М. Карамзина и его предшественников, С.М. Соловьев делал вывод: «Признание стремлений к единовластию, хотя

со времен Иоанна Калиты, было важным шагом вперед у историка XIX века, ибо предшествовавший историк XVIII века, кн. Щербатов, еще не обращает внимания на это значение Калиты» (Кн. XVI. С. 92). Конечно, такое главное явление зависело от теоретических взглядов изучаемого историка и исследователя его творчества. Их совпадение повышало историографическую оценку предшественника и утверждало историографа в правильности своей позиции. Рассматривая описание Н.М. Карамзиным правления Ивана III, С.М. Соловьев отмечал: «В этой картине нас останавливают слова, что со времен Иоанна III история уже не описывает бессмысленных драк княжеских. Слова эти чрезвычайно важны, потому что в них поставлено главное отличие государственной истории, начинающейся со времен Иоанна III, от истории предшествующей, которая характеризуется бессмысленными драками княжескими» (Кн. XVI. С. 124).

Требование выделять господствующее явление в историческом исследовании и акцентировать на нем внимание, казалось, входило в противоречие с отмеченной выше необходимостью использовать весь комплекс исторических источников («ни одна йота летописи не должна пропасть для истории»). С.М. Соловьев видел выход из этого противоречия, как и вообще для максимального сохранения информации источников, в особом творческом подходе историка. Здесь важными стали наработки предшественников в данной области. Раскрывая творческую лабораторию Н.М. Карамзина и относясь к ней весьма критично, С.М. Соловьев писал о том, «как обыкновенно Карамзин соединяет события, следующие в летописи одно за другим в хронологическом порядке: известие о пожаре соединяется с известием о построении каменной крепости, как причина с следствием; но немедленно тут же для построения каменного Кремля отыскивается другая причина, потому что это событие необходимо связать с победами Рязанского и Нижегородского над татарами, победами, которые не находились ни в какой связи с московскими событиями по отдельности Рязани и Нижнего от Москвы. Но эти победы представляются приготовлением Московского великого князя к решительной борьбе с Ордою, потому что нужно сделать переход от борьбы Рязани и Нижнего с татарами к делам московским, а так как эти дела касались Новгорода, то понадобилось сказать, что Дмитрий Иоаннович потому хотел унять новгородских разбойников, что старался утвердить порядок внутри отечества, готовясь к решительной борьбе с Ордою» (Кн. XVI. С. 98–99).

Внимание С.М. Соловьева как историографа привлекали и другие методы исторического исследования, присутствующие в практике историков и сегодня. Среди них важную роль играл и играет

историко-сравнительный метод, нацеленный на выявление общего и особенного на основе сопоставления исторических объектов и явлений. Речь идет, прежде всего, о явлениях, имеющих разные пространственные характеристики. В этой области особое значение имели труды М.Т. Каченовского, значение которых особенно ценил С.М. Соловьев: «Важная заслуга Каченовского, в которой не отказывают ему даже отъявленные враги его, состояла в старании сближать явления русской истории с однохарактерными явлениями у других и, что всего важнее, преимущественно у славянских народов, причем отрицание скандинавского происхождения Руси освобождало от вредной односторонности, давало простор для других разнородных влияний, для других объяснений, от чего наука много выигрывала» (Кн. XXIII. С. 82–83).

Рассуждения С.М. Соловьева о возможностях историко-сравнительного метода даны и в рецензии на труд французского историка Альфреда Рамбо, где российский исследователь обращает особое внимание на необходимость дополнения его другими методами (в том числе многофакторного анализа) для того, чтобы получить картину исторической реальности. «Чем шире становится область исторических наблюдений, — отмечает С.М. Соловьев, — тем яснее для историка становятся законы, по которым совершается рост народных и государственных тел, и тем менее будет речи о заимствованиях одним народом у другого обычаев и учреждений, ибо все народы, при одинаких условиях, должны обнаруживать в своей жизни одинакие явления. Но здесь опять историку надобно быть очень осторожным, не спешить установлением тождества между явлениями, заботливо разыскать в жизни народа, нет ли таких условий, которые остановили развитие известного явления на какой-нибудь ступени или заставили развиваться иначе, чем у других народов» (Кн. XXIII. С. 285).

Сравнительный анализ у С.М. Соловьева необходимо базируется на признании приоритета причинно-следственных связей в истории, что в свою очередь служит одним из критериев для характеристики трудов предшествующих историков. А потому отнюдь не случайны замечания о творчестве историка XVIII в. М.М. Щербатова, что он «везде считает своею неперемною обязанностью объяснять причины явления, во что бы то ни стало» (Кн. XVI. С. 100), или о труде своего современника А.П. Шапова о том, что он «с замечательным талантом сделал счастливую попытку указать на происхождение и причины силы и долговременности раскола. Он искал этих причин не во внешних случайных явлениях, но во внутреннем состоянии общества» (Кн. XXIII. С. 275).

С.М. Соловьев отмечает использование историко-сравнительного метода и историками XVIII столетия. С этим методом связаны первые шаги на отечественной почве сторонников сравнительной этимологии: «... в это время словопроизводства, основанные на одном только внешнем сходстве звуков, словопроизводства, которыми прославились Рудбек за границу, Тредьяковский — у нас, возбуждали отвращение и смех в ученых, каков был, например, Мюллер; сравнительная же этимология как наука с верными правилами только что начиналась» (Кн. XVI. С. 285).

При разработке методики решения конкретно-исторических проблем, в том числе в историографической сфере, С.М. Соловьеву приходилось прибегать к методу, который гораздо позднее получил название историко-генетического. В частности, это достаточно заметно при обсуждении проблем взаимосвязи домосковского веча и земских соборов. С.М. Соловьев предложил такой общий подход при решении этого вопроса: «Преобразование одного явления в другое можно допустить только тогда, когда между ними есть очевидная связь, когда можно указать на посредствующие звенья, посредствующие формы; но можно ли сблизать между собою явления, между которыми нет никакой связи, которые отделены друг от друга веками?» (Кн. XVI. С. 325).

При выделении и анализе различных направлений исторической мысли С.М. Соловьевым применен и историко-типологический метод. «Для нас Тредьяковский имеет значение именно как противник Байера и Миллера, как основатель учения, которое с немногими изменениями продолжается до сих пор: если мы сравним исследования Тредьяковского с исследованиями современных нам поборников славянского происхождения варягов, то увидим, что у них и метод одинакий, и выводы те же» (Кн. XVI. С. 229).

Модель историографического исследования С.М. Соловьева была бы неполной без раскрытия той роли, которая принадлежала творцу исследований — историку. Ученый в представлении С.М. Соловьева как бы существовал в двух ипостасях: с одной стороны, его творчество неразрывно связано с его личными талантами и особенностями, определяющими стиль его трудов и научных исследований, с другой — сам характер эпохи его существования накладывал неизгладимый отпечаток на творчество, определяя научный интерес и возможности решения поставленных задач. Соединение этих сторон нередко проходило через биографию историка, его личный опыт. «Мы не станем отрицать здесь влияния личной природы обоих писателей: Татищев и Карамзин были два разных человека, — писал С.М. Соловьев, — и потому могли различно смотреть на один и тот

же предмет; но мы не должны также опускать из внимания различие в характере эпох, которых оба они были представителями в нашей литературе. Главною, единственною причиною всех деяний Татищев полагает ум или отсутствие его — глупость; расчетам ума он подчиняет все; нравственное чувство остается у него в стороне: отсюда сухость, жесткость, односторонность в приговорах о некоторых явлениях, непонимание, неумение оценить нежное нравственное чувство, которое иногда заставляет человека действовать вопреки расчетам ума». В противоположность В.Н. Татищеву Н.М. Карамзин «оценивает поступки исторических деятелей преимущественно с нравственной, так сказать сердечной, точки зрения, требует от них прежде всего чувствительности. Для нас, для которых Карамзин и его великая деятельность есть уже явление из мира прошедшего, эта его характеристическая черта очень важна» (Кн. XVI. С. 50, 51).

Немалую роль в этом различии играет личный жизненный опыт, который многое определяет в творчестве конкретного историка. Отмечая это в творчестве Н.М. Карамзина, С.М. Соловьев указывает: «Историк, бывший свидетелем великих политических бурь и потом восстановления порядка; историк, писавший при государе, который был главным виновником этого восстановления, должен был обратить внимание преимущественно на то, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами обуздывалось их бурное стремление, учреждался порядок» (Кн. XVI. С. 49). Личная биография определяла выбор научной стези. Именно в ней в полной мере отражалась эпоха, переживаемая историком. Особенно это касалось историков XVIII в., когда попросту не было профессиональной подготовки к такому роду научной деятельности. Размышляя о творчестве В.Н. Татищева, С.М. Соловьев утверждал, что понять его деятельность возможно только обратившись «к характеру той знаменитой эпохи, к которой принадлежал он, — эпохи преобразования» (Кн. XVI. С. 199). Для своих историографических исследований ему необходима биография историка: «Татищев сам рассказывает, что граф Брюс, под начальством которого он служил, занимался составлением полной и верной русской географии; сперва Татищев только помогал Брюсу в этом деле, а потом должен был один взять на себя географические труды. Ставши разбираться в них хозяином, Татищев заметил, что без полной и верной истории нельзя успеть в составлении полной и верной географии, — и вот он начинает заниматься русскою историею, собирает летописи, делает выписки из немецких и польских исторических книг, потому что сам знает эти два языка; из книг же, написанных на языках ему неизвестных, заставляет переводить все, относящееся к России» (Кн. XVI. С. 200).

Для С.М. Соловьева именно эпоха, пронизывая личную жизнь историка, определяя его биографию, предопределяет и его творческую деятельность. Эпоха Петра Великого определила мировоззрение В.Н. Татищева, поскольку он «более чем кто-либо другой из его современников был питомцем Петра Великого, с которым он вполне разделял эту жажду государственного порядка, строгой подчиненности. В сочинениях Татищева видно везде это благоговение пред государством, которому, по мысли Петра, все должно было быть принесено в жертву, без пощады преследует он в истории всякое уклонение от общих государственных интересов в пользу интересов частных; у Татищева есть любимое слово для означения таких уклонений — беспутство: беспутна в его глазах древняя жизнь Новгородская, беспутны княжеские междоусобия и т.д.» (Кн. XVI. С. 214).

Постулируя влияние эпохи через личный жизненный путь на творчество историков, С.М. Соловьев выделяет в качестве важнейшего в этом смысле этапа время формирования личности: «В творениях знаменитых писателей отражается век, в котором они живут и действуют; но здесь нельзя ограничиваться влияниями только того времени, в которое совершен труд писателя; важное значение имеет то время, в которое воспитался писатель; часто в его творении преимущественно выражаются господствующие идеи этого времени, а не того, к которому принадлежит главным образом авторская деятельность писателя: иногда писатель в самое блестящее время своей деятельности сдерживает новые движения во имя идей, принятых им во время его воспитания» (Кн. XXIII. С. 168).

Такой подход открывал возможность решения ряда вопросов древней истории, в частности, «проблемы Нестора». Изучая творчество А.Л. Шлёцера, он отмечает важность подобного подхода для объяснения возникновения летописания на Руси. Шлецеровский «Нестор» и полемика вокруг этого произведения свидетельствовали о признании этого историографического подхода. С.М. Соловьев пишет, что «в этом вопросе Шлёцер впервые взглянул на явление собственно исторически, начал рассматривать явление летописца не отдельно, как это делалось прежде, а в связи с современным состоянием русского общества, занялся решением вопроса о возможности появления летописца в Киеве в XI веке при обстоятельствах временных и местных. Из рассмотрения этих обстоятельств Шлёцер вывел возможность летописи; после так называемые скептики отрицали возможность явления, также основываясь на современном состоянии общества; защитники Нестора утверждали противное, опять на том же основании: но основание это было положено Шлёцером» (Кн. XVI. С. 315).

Эта диалектика взаимосвязи историка и его эпохи была положена С.М. Соловьевым в основу концепции развития истории отечественной исторической науки. XVIII век историк рассматривает как эпоху «столкновения цивилизаций», когда «народ, созревший для цивилизации и значительно окрепший в государственной жизни, долго живший ею, хотя и особняком, богатый средствами, сталкивается с народами, обладающими высшей цивилизацией». Результатом этого столкновения является «борьба между старым и новым, между своим — то есть тем, что считается своим, и чужим, которое должно стать своим; борьба более или менее продолжительная оканчивается торжеством нового». В ходе этого столкновения общество переходит от механического сопоставления нового и старого («новые заплаты, нашитые на ветхом рубище») к их «химическому соединению», «вследствие чего свое, народное, возбужденное к жизни соединением с чужим, приобретает чрез это плодотворное соединение новые силы обнаруживается во всей своей полноте» (Кн. XXIII. С. 244–245).

Общесоциологические рассуждения были переведены С.М. Соловьевым на язык конкретного развития исторической мысли XVIII — первой четверти XIX в. «Русские люди первой половины XVIII века говорили, что деятельностью Преобразователя они были приведены из небытия в бытие; — писал С.М. Соловьев, — русские люди второй половины века объявили, что это бытие их не удовлетворяет, и отсюда естественно пришли к вопросу: то, что называлось небытием, действительно ли было небытие? Не было ли это бытие, не признанное только людьми эпохи преобразования и непризнанное несправедливо?» По мнению историка, «несочувствие к эпохе преобразования» усиливало интерес к тому периоду истории, который отрицался самими преобразованиями (Кн. XXIII. С. 166). А потому «новая Россия уже не заслоняла древней и движение пошло усиленно». И далее С.М. Соловьев делал вывод: «Если в первую половину XVIII века было начато материальное приготовление к написанию русской истории, то во вторую половину века было сделано приготовление духовное, и в первой четверти XIX века явилась “История Государства Российского” Карамзина» (Кн. XXIII. С. 166).

Эта концепция была положена С.М. Соловьевым в основу историографических оценок трудов его предшественников. Концептуальное видение прошлого («хода истории») представлялось историку чрезвычайно важным и для ее написания, для обоснованности оценок деятелей прошлого: «Что касается характеристики государей, то у Щербатова, как и следует ожидать, не может правильно определяться значение того или другого государя в русской истории, потому что автор не уяснил для себя хода этой истории; характеристики его суть

характеристики отвлеченные: такой-то государь был добр, умен, не любил войны, однако, где нужно, обнаруживал твердость и т.п. От недостатка уяснения для себя хода истории происходит у Щербатова и у последующих за ним историков внешний взгляд на события, который породил столько трудных к искоренению заблуждений. Разумеется, мы не станем обвинять в этом Щербатова: таков был естественный и необходимый ход исторической науки; и последующие историки разделяют взгляд и повторяют ошибки Щербатова» (Кн. XVI. С. 235).

Таким образом, историографические работы С.М. Соловьёва позволяют реконструировать его представления о модели исторического исследования. Видя целью исторической науки развитие самопознания народа, историк формирует предметную область и когнитивные стратегии своего исследования. Анализ сложившихся исследовательских практик позволил С.М. Соловьёву раскрыть способы познавательной деятельности, а изучение биографий — решать вопрос о влиянии личности ученого на его творчество. Конечно, многие вопросы исследовательской модели С.М. Соловьёва требуют более детального рассмотрения, но возможности подобного моделирования для углубления историографических исследований не вызывают сомнения.

References

Kuchurin V.V. *Zhizn' i nauchnoye tvorchestvo S.M. Solov'yeva v otechestvennoy istoriografii* [The Life and Academic Work of S.M. Soloviev in Russian Historiography] // *Otechestvennaya kul'tura i istoricheskaya mys' XVIII–XX vekov. Sbornik statey i materialov* [Domestic Culture and Historical Thought in the 18th–20th Centuries. A Collection of Articles and Materials] / Ed. by A.M. Dubrovskiy. Bryansk: Izdatel'stvo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika I.G. Petrovskogo, 2019. P. 5–29.

Lachayeva M.Yu. “Velikiy chelovek” i “velikiy narod” v kontseptsii Sergeya Mikhaylovicha Solov'yeva [A “Great Man” and “Great People” in the Concept of Sergei Mikhailovich Soloviev] // *VIII Bartenevskiy chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchikhsya deyateley Rossii: Aleksandra II, N.A. Milyutina, S.M. Solov'yeva, I.S. Turgeneva, M.N. Katkova* [The 8th Bartenev Workshop. Materials of the All-Russian Academic Conference with International Participation Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of the Prominent Figures of Russia: Alexander II, N.A. Milyutin, S.M. Soloviev, I.S. Turgenev, M.N. Katkov]. Lipetsk: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2018. P. 167–171.

Lubskiy A.V. *Al'ternativnyye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative Models of Historical Research]. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya, 2005. 349 p.

Maleto E.I. *Tvorcheskoye naslediyе S.M. Solov'yeva — zhivaya istoriya: K 200-letiyu so dnya rozhdeniya istorika* [The Creative Heritage of S.M. Soloviev — A Living History: To the 200th Anniversary of the Birth of the Historian] // World Science: Problems and Innovations. *Sbornik statey XLV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The Acta of the 45th International Academic Conference and Workshop]. Penza: Nauka i prosveshcheniye (IP Gulyayev G.Yu.), 2020. P. 75–78.

Mamontova M.A. *Model' istoricheskogo issledovaniya v predstavlenii S.F. Platonova* [The Model of Historical Research as Viewed by S.F. Platonov] // *Vestnik Omskogo universiteta*. 2001. № 1. P. 45–48.

Mamontova M.A. *S.F. Platonov: poisk modeli istoricheskogo issledovaniya* [S.F. Platonov: In Search for a Model of Historical Research]. PhD Candidate in History Diss. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet, 2002. 224 p.

Mazur L.N. *Istoricheskiye modeli: vidy, vozmozhnosti i ogranicheniya* [Historical Models: Types, Possibilities and Limitations] // *Rossiyskaya istoriya*. 2011. № 2. P. 145–149.

The Postmodern History Reader / Ed. by K. Jenkins. London; New York: Rutledge. 1998. 443 p.

Sukhova O.A. *Agrarnaya politika VKP(b) v 1930-kh — nachale 1950-kh godov: vybor istoriograficheskoy modeli* [The AUCP(b) Agrarian Policy in the 1930s — early 1950s: The Choice of a Historiographic Model] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki*. 2018. № 3 (47). P. 52–61.

Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskiy slovar' [Theory and Methodology of Historical Science. A Terminological Dictionary] / Ed. by A.O. Chubar'yan. Moscow: Akvilon, 2014. 576 p.

Zavarzina L.E. *Pedagogicheskaya ipostas' vydayushchegosya istorika: k 200-letiyu S.M. Solov'yeva* [The Pedagogical Hypostasis of the Outstanding Historian: To the 200th Anniversary of S.M. Soloviev] // *Pedagogika*. 2020. Vol. 84. № 8. P. 111–120.

Zhigunin V.D., Myagkov G.P., Sharifzhanov I.I. *O novoy modeli analiza istorii istoriografii kak distsiplinarnoy istorii* [On a New Model of Analysis of the History of Historiography as a Disciplinary History] // *Mir istorika. Istoriograficheskii sbornik* [The World of the Historian. A Historiographic Collection]. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. P. 70–76.

Поступила в редакцию
18 октября 2020 г.